

Случайности

Автор:

Наташа Тень

Случайности

Наташа Тень

В книге представлены три повести. Они не связаны между собой, так что прочесть их можно в любом порядке. Книга рекомендована лицам старше 18 лет.

Случайности

Наташа Тень

© Наташа Тень, 2019

ISBN 978-5-4485-2628-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вечная память

Только прошу, не пропадай без вести,

Оставь хоть какие-то ниточки, адреса.

Я буду искать тебя до бесконечности,

Пока мне будет сниться наша весна.

Сергей Есенин

Часть I

Вступление

Автобус затормозил на остановке с простым, свойственным маленьким городам названием «Магазин». Собственно, это и названием-то не было, просто люди говорили: «Остановите у магазина», имея в виду невысокое здание местной бакалеи.

Вместе с семейной парой из автобуса вышла молодая симпатичная девушка, по внешнему виду которой нельзя было однозначно сказать, местная ли она. Александра улыбнулась вслед отъезжающему автобусу: «Вот я и дома».

Город был действительно небольшим. Не то чтобы все друг друга знали, но сплетни порой имели обыкновение возвращаться прямым к своему источнику в измененном и добравшем подробностей виде.

Н располагался вблизи крупного города. Всего три часа автобусом. Но эти «всего» были для Александры настоящей проблемой, когда она только поступила в университет и переехала на съемную квартиру. Порой, освободившись от занятий еще до обеда, девушка с трудом побеждала в себе желание сесть в первый попавшийся транспорт и поехать домой, пусть даже на пару часов. Чтобы привыкнуть и скорее обжиться, она записалась на курсы английского, нашла подработку на два раза в неделю. Постепенно, сама того не заметив, Саша привыкла. К большому городу, долгим пешим прогулкам (нужно было побывать в стольких местах) и новым знакомым. Родители часто путешествовали, так что причин возвращаться в родной город оставалось все

меньше.

В этот раз причина была особенная. Лучшая подруга покончила жизнь самоубийством.

Предстояли похороны.

За несколько часов, проведенных с приятелями, Саша успела устать от бесконечных вопросов о ее душевном состоянии, вроде: «как ты, дорогая?», «хочешь, мы придем?», «тебе что-нибудь нужно?»

О смерти Полины сообщила мама. Позвонила вечером, когда девушка проводила время с друзьями-однокурсниками. Уехать удалось только вечером следующего дня. И, хоть друзья и проявили максимум такта, не обсуждая случившееся с посторонними, сами они измотали ее опекой, сочувствием, вынужденной, неестественной тишиной.

Оказавшись в родном городе, Саша сразу почувствовала себя комфортнее. Здесь тоже будут сочувствие и разговоры. Но в N уже не она станет центром всеобщего внимания.

Сейчас, идя по парку в направлении дома, девушка отвлеклась от печальных мыслей. Тем более, что горе ее пока обличено лишь в невесомую фразу, произнесенную мамой более суток назад. Пока она еще способна отвлечься.

Атмосфера родных мест, весенний воздух и, самое главное, не меняющиеся со временем виды вызвали массу нежных чувств и теплых воспоминаний. Саша не достигла того возраста, когда соленый привкус ностальгии может испортить трогательный восторг от встречи с прошлым. По правде, все это еще и не стало по-настоящему прошлым: ни ночные посиделки на старых скамейках, ни мороженое в знакомом с детства ларьке. Юность делала ее сердце невинным, защищенным от страданий.

Девушка подходила к своему подъезду, когда ее окликнула соседка. Та была явно не тем человеком, с кем хотелось бы увидеться сразу по приезду. Но что поделаешь. Саша поздоровалась и вежливо улыбнулась, беседа обещала быть долгой.

Есть ситуации, в которых не знаешь, как правильно себя вести. Не понимаешь, что должен чувствовать. Тогда и приходят на помощь обряды. «Вот для чего они придуманы», – рассуждала про себя Саша, впервые присутствуя на похоронах.

Сложно плакать при всех, сложно осознать реальность потери, особенно когда не смотришь на узкий, обитый красным дорогой гроб.

«Хорошо, что все продумано за нас. Родные сидят на стульях вокруг, друзья – кто стоит, кто выходит на улицу. Священник совсем молодой. Отпевает словно впервые. Волнуется». В течение всех похорон, затем поминального обеда Александра бесконечно раздумывала, наблюдала, маскируя так свое горе.

Во время поминального обеда со всех сторон только и слышались, что горькие, ненужные комплименты в адрес умершей. Они неприятно диссонировали в Сашином сердце. Неужели остальные не знали или не помнили, что излишней похвалы Полина не любила. Она вообще старалась не привлекать к себе внимания. Хотя именно внимания-то ей всегда доставалось с избытком. Полина представляла собой тот тип людей, которые молча стоят в углу, но отчего-то постепенно центр вечеринки перемещается в их сторону.

Обед продолжался и продолжался. Одновременно и грустный, и нестерпимо шумный, гудящий. Всеми, даже неблизкими, овладевало горе. Пусть кто-то не скорбел по-настоящему о самой Полине, но сжималось сердце при одном взгляде на ее мать, которая до конца жизни будет нести бремя вопроса: «Почему моя дочь сделала это?» Остальных, в чьем семейном древе появился самоубийца, долго будет терзать мысль: «Есть ли ген самоубийства во мне, если он существует? Станет ли наказание преследовать будущие поколения? Упокоится ли ее дух с миром?»

Саша думала о двойняшках. Младшие брат и сестра Полины. Для них случившееся станет лишь историей о какой-то там старшей сестре, странной девушке, покончившей с собой. Они будут шепотом рассказывать об этом, лежа в кроватях, под страшным секретом и только самым лучшим друзьям. Полина – это не их реальность, а только кусочек прошлого, история.

Так каждый присутствующий думал о чем-то своем, и это – пусть немного – помогало отвлечься.

На город опустилось небо. Густое, тяжелое, оно, казалось, все увеличивается в размере и уплотняется с каждой минутой. Дождя не было. Ветер дул несильный и теплый. Саша любила такую погоду. Конец мая. В воздух, который вмещает в себя и весну и лето одновременно, врывается вдруг тяжелый осенний сумрак.

Девушка задумалась о своем – им всем нужно было помолчать перед тем, как продолжить начатый разговор. Здесь, на крыше старой девятиэтажки, стоящей на окраине города, компания собиралась не в первый раз. Встречаться именно на этом месте в конце весны стало настоящей традицией с тех пор, как двенадцатилетний Илюша «нашел» это место.

Илья, теперь уже взрослый, привлекательный молодой человек, не изменил своей привычке соблюдать не все введенные правила. Он выдохнул дым, поднес сигарету к губам Карины, та лежала головой на его коленях, и произнес:

– Я видел ее в магазине примерно за неделю до... – он замолчал и сглотнул. Никто не желал произнести «самоубийство» вслух. – Она вела себя как обычно. Не сказал бы, будто ее что-то тревожило или она... ну... думала об этом.

– Мне кажется, такие решения приходят внезапно, – ответила парню Карина. Но голос ее звучал бесцветно, думалось, она всего лишь вовремя отпустила мучившую ее со дня похорон фразу.

Все снова ненадолго замолчали. Илья и Карина докурили общую сигарету. Это скорее традиция, чем привычка. Саша тоже сделала затяжку. Когда они в первый раз вылезли на крышу, Илья принес первую в их жизни пачку. Тогда в каждом своем поступке они видели развлечение. А сейчас... На самом деле мало что поменялось. Теперь им больше дозволено, но отчего-то не становится веселее.

С одного края крыши виднелась автострада. Саша знала ее наизусть. Сейчас ей вдруг стало неприятно смотреть на дорогу. Она повернула голову в сторону леса. Верхушки деревьев сгибались под порывами ветра, и стоило ему «отпустить», возвращались в прежнее положение. Это напоминало игру ребенка с неваляшкой.

«Ребенка», – Саша невольно улыбнулась и повернула голову к еще одному члену компании. Вера. Она была на втором месяце беременности, так что ее усадили на самое удобное место – ящик, на который Илья заботливо постелил свою куртку. Саша и Вера сами по себе никогда не были близкими подругами. Однако, временами, ища спокойствия, Саша находила его именно в ней. Для Саши всегда казалось очевидным, что простая, спокойная Вера первой выйдет замуж и ее малыш станет первым общим любимцем. Та была из тех девушек, которые все умеют делать «как надо» и не выделяются вследствие этого ни в хорошую, ни в плохую сторону. Это выражалось даже во внешности. Среднего телосложения и роста, она не была как-то по-особенному привлекательной. Но накладывала макияж каждое утро, потому что так надо; аккуратно (именно аккуратно, а не под настроение, например) причесывалась и выглядела достаточно милой и приятной. Полтора года назад Вера вышла замуж и пришла, кажется, к тому счастливому рубежу, который многие ищут годами. Рубеж, переступив который, знаешь, как и зачем ты живешь.

Что касается мужа девушки, он так и не стал полноценным членом компании. Сама Саша относилась к нему с уважением, не мешавшим, однако, чувствовать некую долю снисходительности. Он был одним из тех очень хороших, но очень непопулярных парней. Для таких статус «женат» действительно звучит куда солиднее, чем «холост».

Саша присела на кусок картона, оперлась локтями о борт крыши и перевела взгляд на Илью и Карину. Девушка не сравнивала, кого из друзей она больше любит, но эта парочка все же ей ближе с их бесшабашностью и амбициями. Илья год назад удивил всех, когда, выпустившись из университета, подал документы

в аспирантуру. Хотя, посмеявшись, Карина и остальные признали правоту молодого человека. Его инженерные способности граничили с гениальностью. Сам парень также посмеивался над собой, а в учебном заведении то и дело нарочно вводил людей в заблуждение своими выходками и наблюдал затем их удивленную реакцию на его познания.

Они с Кариной нашли друг друга в достаточно раннем для настоящих отношений возрасте. Но почему-то, глядя на них, Саша не сомневалась, что у них это навсегда. Оттого, верно, что у обоих имелся отдельный от любви источник вдохновения, который наполнял каждого до краев. Для Ильи таким бездонным колодцем была механика. Его голова забита исключительно Кариной и чертежами.

Для девушки же не существовало ничего более настоящего, чем музыка. В ее сознании творческое вдохновение и любовь сплетались, то образуя единое целое, то переливаясь один в другое, наподобие сообщающихся сосудов. Карина с пяти лет играла на скрипке и благодаря состоятельным родителям могла не заботиться об иной карьере.

Вера плотнее запахнула кардиган и произнесла негромко в задумчивой, рассуждающей манере:

– Саша, вы с ней больше всех общались. Ты не заметила... не знаю... депрессии, может быть?

Девушка почувствовала, как схлынула вдруг общая задумчивость. Друзья внимательно ждали ее ответа. Она встала, сделала несколько шагов вдоль бортика; никто ее не торопил. Но она все равно не знала, как ответить. Строить бессмысленные догадки о подруге не хотелось. А что еще оставалось, кроме предположений и домыслов?

– Я... нет, не думаю. Вы же знаете, она умела отбрасывать лишнее, не заикливаться. Это ведь наша Полина! Она иного склада.

Саша замолчала и отвернулась, накопившиеся эмоции не давали покоя. А выразить их она не могла, потому что не понимала до конца их природы. Порой – но ведь в таком не признаешься – ее брала злость на подругу. Чаще было просто отчаяние, столь глубокое, что страшно осознать его и принять,

окупнуться, дать себя поглотить. «Я ведь не выберусь», – понимала Саша.

– Знаем, конечно. Я понимаю, о чем ты. – Карина подошла сзади и крепко обняла ее.

По небу тем временем разошлась серая дымка. Совсем немного времени до того, как начнется дождь, и все вдруг превращается в кадры черно-белого кино. И замершие на крыше фигуры молодых людей кажутся неотъемлемой частью немой сцены.

Подъезд. Лестница из шести ступеней. Подъем на лифте, горящая «9». Как долго! Саша полностью сосредоточилась на своих действиях и окружающей обстановке: объявление на стене лифта: «Кто потерял ключ с синим брелоком – обращаться в квартиру 48»; упаковка от шоколадного батончика в углу.

«Еще немного... еще немного».

Она никогда не плакала на людях. И сейчас думает лишь о том, как бы поскорее оказаться дома. На желтом циферблате высветилась «8». Уже почти.

Родителей дома не оказалось. К лучшему. Никого бы ее слезы не удивили, но девушка желала одиночества. Пусть отчаяние поглотит ее. Она устала сопротивляться ему.

Пока снимала кроссовки и вешала ключи в специальный шкафчик, слезы уже лились. Она заметила мокрые пятнышки на водолазке. Саша могла бы броситься с рыданиями на кровать, упасть на диван в гостиной, дойти до кухни и, захлебываясь в рыданиях, искать валерьянку, но девушка так и осталась в коридоре. Оперлась спиной о стену, а затем медленно скатилась по ней на пол. Во всей квартире темно. Свет – и то, одна тусклая лампа – горит в коридоре. За окном почти черно от плотной стены дождя и наступивших по времени сумерек.

В эти минуты девушка плакала по подруге первый раз. В какой момент она вдруг поняла, что никогда – именно никогда, ни разу за всю жизнь – не сможет больше поговорить с Полиной, написать ей смешное сообщение, спросить ее мнение и даже просто подумать о предстоящей встрече? Тогда ли, когда крышу покидало четыре человека вместо привычных пяти? Никто не шел рядом с Сашей, и не посмеивались они вместе над ребятами, не придумывали шуток, понятных лишь им двоим.

Летающие по серому небу птицы почему-то заставляли думать об осени. Приятное чувство. Карина всегда любила эту замысловатую игру чувств с разумом. Ощущения – и серое небо, и прохладный ветер с запахом сырости – все напоминает осень, но для мозга существует лишь календарь.

Карина улыбается про себя. Для нее это лучшее время, когда осеннее вдохновение смешивается с ощущением предстоящего отдыха. В комнате царит уютный беспорядок, как на каталогах IKEA. Идеального порядка, когда каждая безделушка на своем миллиметре пространства, – такого в ее комнате не бывает. Она вообще не склонна делать что-либо идеально правильно. «Там, где заканчивается порядок, начинается творчество», – ее девиз. Пусть эта истина не для всех, но ведь и Карина не все. Лично ее такой настрой ни разу не подвел, а превратился уже в образ жизни.

Девушка вернулась несколько позже, чем Саша. К тому времени дождь успел кончиться. Они с Ильей провожали Веру, ее муж задерживался на работе допоздна. У ребят порой возникало неловкое чувство, словно в сравнении с молодым отцом семейства, они были праздными бездельниками. Илья признавал для себя, что во многом так и есть. Другое дело, что его это не особенно волновало. Он много учился в течение года, подрабатывал в лаборатории. Сейчас же хотел просто отдыхать, радуясь возможности ни о ком пока не заботиться. Он вовсе не был эгоистом и на самом деле уже не вспомнил бы, когда просил у родителей деньги на развлечения, но молодой человек был счастливо избавлен от пагубного пристрастия к излишнему самоанализу.

Итак, Карина сидит на диване, прижав коленки к груди. Окно в комнате приоткрыто, оттого немного прохладно. Но если не шевелиться, холод не чувствуется. Зато вместе с прохладой врывается запах! Девушка с трудом может определить его: сырость, мокрые земля и асфальт, пыльца. Но именно им, этим неясным ароматом, определяется для нее лето. Он воскрешает теплые чувства, рожденные еще в раннем детстве.

Девушка делает медленный вдох, задерживает дыхание, лишь бы этот запах оставался в ней дольше. Хочет вкусить его и разложить по нотам. В любое время года она наслаждается переходами, надломом, который происходит в природе.

Порой (сейчас ей вспоминается именно это) ей казалось, что и Полина чувствует мистицизм окружающего мира, улавливает атмосферу предметов, явлений. Она часто, и даже более чем сама Карина, глядела вглубь пространства. То не был бессмысленный потерянный взгляд. Напротив, Карине показалось однажды, будто и она, и все остальные не столь реальны в сравнении с тем, что открывается Полине в видимом лишь ей свете. Это случилось только раз. Они не успели стать союзниками в своей чувствительности. Теперь же Карина запоздало приходила к выводу, что, возможно, некая тайна или предчувствие делали подругу такой.

Стараясь не сбиться с мыслительного пути, девушка встала и направилась в кухню сварить какао. Наполнила сотейник молоком из большой кружки, высыпала порошок какао, немного, чтобы вкус остался молочным. «Ведь кажется, у нее имелось все, – размышляла она, пока закипал напиток. – Спокойная, уверенная, смешливая и безумно милая. Толпа людей вокруг нее. Явный талант к изобразительному искусству, – (для Карины это было главным показателем счастья). – Взять ее картину...» – не успела додумать, какао закипело. Девушка перелила его обратно в большую кружку. И оставила стыть, иначе и вкуса не почувствуешь. Один кипяток. На чашке изображен автомобиль, Карина тотчас вспоминает молодого человека подруги.

Макс и Полина познакомились на автомобильной выставке и весь праздник привлекали всеобщее внимание одним своим видом. Макс без преувеличения был парнем с обложки. В нем было столько мужественности, что ни потрясающие голубые глаза в обрамлении густых ресниц, ни даже серьга в ухе не в состоянии были умалить ее, а напротив, подчеркивали.

Любая девушка боялась бы потеряться на его фоне. Да и тот факт, что женщины, не стесняясь, оборачивались на него, смутил бы многих претенденток. Но Полина, кажется, даже не задумывалась на этот счет. А Макс, при всей самовлюбленности, был ей верен. И его-то взгляд всегда останавливался только на ней. Полина представлялась ему не просто любимой девушкой, она была предметом восхищения окружающих, а значит, ею не стоило разбрасываться.

Карина видела, что Полина все понимает, но, похоже, это, равно как и деньги Макса, ее вовсе не волновало. Он подходил ей. Подходили их не слишком обременительные отношения. Полина проводила время.

Парень даже на похоронах выглядел сногшибательно. И, учитывая тот факт, что скорбел он по-настоящему (возможно, даже сильнее, чем ожидала от него Карина), становилось очевидно – он не готовился специально, он всегда так выглядел. Это было его естественным состоянием.

Позже, в разговоре с Ильей девушка отметила, насколько сильнее ожидаемого принял ситуацию Макс.

– Он сам не заметил, как влюбился. Считал ее красивой куклой, она оказалась большим, – размышлял Илья.

– Она любой умела быть, – Карина чуть улыбнулась теплomu воспоминанию. – Но Макс вряд ли рассчитывал привязываться к очередной девушке сильнее, чем к новой машине.

Воспоминания увлекли девушку, она и не заметила, как выпила все какао: «Черт! Хоть заново вари». Наскоро споласкивает посуду и возвращается в комнату. И первое, что видит – свою скрипку. Она не станет играть сейчас, но, проходя мимо, дотрагивается пальцами.

Искусство для Карины всегда было якорем. Ее музыка. Сколько девушка себя помнила, они были неразлучны. Стоило пальцам прикоснуться к струнам, а ладошкам ощутить изящество линий инструмента, и мир вдруг и расширился до бесконечности, и сужался одновременно, существуя лишь в ударах сердца и меж ее пальцев.

Музыкой она спасалась. Всегда. Сейчас же ее смущали мысли: «Что, если я всего лишь бегу от реальности? Правильно это? И стоят ли настоящих переживаний мои проблемы? Может статься в один прекрасный момент, что страдания бывали придуманы мной в поиске источника вдохновения. А если они и были настоящими, неужели я просто-напросто сбегаю в музыку?»

Нет, Карина не слабая. По-своему справляясь с трудностями, она не осознает того, что и страдание приносит ей своеобразное вдохновение. И в том ее счастье, что существует нечто, находящееся всегда на первом месте, способное спасти ее.

Однажды она будет гореть в этом пламени и в нем же возрождаться. Ведь искусство способно подарить крылья, независимо от того, чем оно рождено.

Время пересекло границу дня и ночи. Сумерки поглотила тьма, а свет нашел укрытие в луне и звездах. Все кажется спокойным, словно темнота есть нечто физически ощутимое и она накрыла город, поглотила его звуки, растворила в себе жителей. Но так же, как существуют несогласные, есть и неспящие в ночи. Те, кто неспокоен, кто боится лишиться чего-то важного, пусть даже этим важным стали боль или смятение.

Не в силах покориться сну, Вера в своей супружеской спальне, боясь заразить бессонницей мужа, выходит в другую комнату. Ей беспокойно от предчувствия скорого рождения новой жизни. Жизни, которая будет в ее руках. Как уберечь дитя от несчастья? Вдруг ему лучше познать все стороны горя и закалиться тем самым, раз не дано знать наперед о событиях нашей жизни.

Девушка кладет ладони на живот. «Хоть бы все у тебя было хорошо», – шепчет она, и фраза кажется ей глупой, детской. Но что еще она может? Не в ее силах будет долго защищать дитя, но она сможет любить его вечно и произносить свою молитву снова и снова.

В доме напротив горит свет. Илья. Чертит, стирает линии, переделывает. Он всегда уходит в работу, когда голова полна тяжелыми мыслями. Молодой человек убеждает себя – не стоит в них копаться. В данном случае не стоит беречь покой подруги. Здесь, на земле, он может и должен позаботиться о Карине. За Полину же осталось лишь молиться с верой в обретенный ею, желанный, по всей видимости, покой.

У Карины и Саши свой способ переживать эмоции. Обе девушки отключаются от внешнего. Карина гасит свет, молча лежит на одеяле, обняв колени. Саша сидит в кресле, глаза закрыты, но она не спит. Молчание не только внешнего, но и внутреннего голоса помогает успокоиться обоим. Чувства сейчас не нужны никому.

Часть II

Отметили девять дней. Кладбище умиротворяет своей безмятежностью – время течет здесь как-то иначе – и красотой. Сколько деревьев! Ели, рябины, декоративные вечнозеленые кустарники у некоторых могил. Александру даже смущало то, как живо откликнулась она на живописность места. Можно ли...

Обратно шла чуть поодаль от остальных. Никто, к счастью, не догонял. Чувства мешались, и лучше сейчас было ни о чем не думать. Стоило девушке дать себе расслабиться, она почувствовала, как сжимает руку браслет на правом запястье. Полина подарила ей его, когда они были подростками. Саша отыскала украшение сразу после похорон и не снимала все эти дни. Браслет плотно обхватывает руку, и девушке вдруг чудится, будто кто-то держится за нее. Тогда она сжимает пальцы в ответ.

Девять дней прошло. Больше недели. Полина, ее облик, поступки, смех постепенно обращаются в память. Все тоньше с каждым днем нить, связывающая ее с реальными людьми. Они и хотят запомнить девушку навсегда, и не могут. А если бы и нашелся кто-либо, способный помнить, то на какие

невыносимые муки обрек бы себя человек – вспоминать и терять снова и снова.

Позже, уже дома, Саша думала об этом и том, какое страдание причиняет незнание причины поступка Полины. Сама мысль о том, что она, возможно, могла помочь и не сделала этого, сводила с ума.

«Где я поступила неправильно? Где оказалась невнимательна? Вдруг она намекала, а я не поняла, не уловила вовремя. Что, если она ждала моей помощи». И хочется ей вслух уже застонать: «Поля, прости меня! Я ведь не знала! Но я любила тебя и все бы сделала, лишь бы спасти».

И вот, в самый горький момент отчаяния приходит спасение. Неожиданное и воспринимаемое оттого с еще большей страстью, ибо надежда, пусть самая призрачная, способна перевернуть душу как ничто иное.

Около восьми вечера в дверь позвонили. На пороге стоял паренек-курьер в фирменной ветровке и кепке.

– Александра? – деловито осведомился парень, добавляя фамилию девушки.

– Да, но я ничего не заказывала, – поспешно отвечает она.

– А и не надо. Для вас посылка от... – он заглядывает в блокнот, замешкавшись, затем называет полное имя Полины.

Саша не в силах вымолвить ни слова.

В небольшой, размером с обувную, коробке оказывается стопка писем. На каждом конверте подпись: родителям, бабушке, Карине... Всего восемь штук. Верхний кажется несколько толще остальных. «Саше».

...письмо из прошлого...

...когда она писала его, была еще жива...

...но уже знала...

Саша тщетно пытается унять дрожь в ладонях. Сердце бьется так сильно, что кажется, она слышит его удары. Но лучше успокоиться. Читать внимательно и главное долго. Пусть голос подруги будет слышен и звучит как можно дольше. Медленный выдох, и девушка разворачивает свой конверт.

Письмо.

Саша! Я не знаю, как начать это письмо.

Понимаю, сколько боли доставляет всем вам мой эгоистичный (иначе не назовешь) поступок. Страшно даже представить, как переживают родители. (Об этом стараюсь вообще не думать). К счастью, у них есть близнецы. Я специально ждала их рождения. Потом еще полтора года, чтобы не привязывать мою смерть к их рождению.

Да, как видишь, мой поступок более чем обдуман. Несмотря на это, объяснить его кому-либо крайне сложно. Я расскажу тебе. Понять ты не обязана... но попробуй. Пожалуйста. Ради того, чтобы не винить меня, не считать слабой. Я люблю тебя и не хочу, чтобы моя смерть оставила у тебя неразгаданные вопросы. Я знаю, каково это – мучиться от незнания того, все ли сделал правильно. Не хочу обременять вас ни надеждой, ни чувством вины. Ребятам также можешь показать это письмо, а родителям... Даже сейчас пишу эти строки и не могу решить. Думаю, если ты не сочтешь иначе, им лучше не знать. В их письме я не написала правду.

Прошу тебя, не делай поспешных выводов, пока не прочтешь до конца. Знаю, ты не склонна к такому и осуждать меня не станешь. Большинство – возможно, но не ты. Что ж, вступление затянулось. Приступаю.

Все началось, когда мне было пятнадцать. Ты помнишь это время? Стояла яркая, непривычно жаркая осень. Илья к тому времени уже нашел нашу крышу, мы пускали с нее бумажные самолеты, а потом собирали те, что не улетели далеко, чтобы никто не догадался, откуда они взялись.

Саша улыбается. Конечно же, она помнит ту осень. Такую счастливую, первую взрослую осень. Когда они целыми днями болтались, где хотели. Когда все вдруг начали влюбляться, оказывать знаки внимания уже не в виде дергания за косички.

Тогда же я познакомилась с ним. (Не называю имени, потому что не хочу давать не единой зацепки, чтобы найти его). Не важно, как и где мы встретились. Я не писатель, не смогу рассказать так, как оно того заслуживает. Все было слишком просто, чтобы поддаваться хоть сколько-нибудь красочному повествованию. Не прозвучало фанфар, сердце мое не забилося быстрее от первого же его взгляда, у меня не путались (поначалу) мысли. Нет! Это не было яркой первой влюбленностью. Мы просто встретились.

Мы просто принадлежали друг другу.

Я никогда не сомневалась в его любви. Не боялась, что делаю или говорю что-то не то. Часами мы гуляли, держась за руки, сидели в обнимку, говоря ни о чем. Быть может, ты замечала, я не люблю ходить за руку с кем-либо. Это от того, что прикосновения рожают воспоминания. Не могу забыть, как он впервые взял меня за руку, словно позволив полюбить себя.

Каким стало бы наше будущее? Наверное, слишком счастливым. Сделала бы всепоглощающая любовь друг к другу нас эгоистичными слепцами? Сгорели бы наши сердца от переизбытка чувств? Верно, наша любовь нарушала мировую гармонию, раз судьба сочла нас недостойными, а ее невозможной. Ты сейчас наверняка читаешь эти строки и удивляешься. Но мне тогда едва исполнилось пятнадцать лет. Мы познакомились через четыре дня после моего праздника. Он же был значительно старше...

Так или иначе, мы с самого начала знали, что любим и что все слишком сложно. Главным образом потому, что не было никаких сил расстаться. Нужно было видеть друг друга, питаться нашим чувством. С тех пор лишь оно одно заставляло наши сердца биться.

Он не был героем Набокова, чтобы легко отнестись к данной ситуации. Но и любил меня слишком, чтобы оставлять время на сомнения. Называл «малышкой» (до сих пор чуть не плачу, слыша это обращение), и мы улыбались, понимая всю двойственность сказанного. Каждая встреча несла оттенок

непроизнесенной вслух грусти.

Его руки, его глаза... Даже сейчас – пишу, и сердце забилося сильнее. Когда-то я могла ощущать, что он рядом.

Все думала, как странно чувствовать себя такой целостной, наполненной; как никогда раньше осознавать свое «Я» и в то же время понимать, что сердце твое отныне разделено пополам и одна часть бьется в другом человеке.

Саша чуть отводит глаза от строк. Да, она заметила однажды, хотя и не поняла, что дело во влюбленности, какой женственной стала Полина. По-взрослому красивой. Она не отдалилась от друзей, несмотря на захлестнувшее ее чувство. Той осенью они были неразлучны и счастливы, казалось, навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/ten-_natasha/sluchaynosti

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)